

СОЗВОНЫ НА FEMAGORA NO. 1

КРИЗИСНЫЕ ЦЕНТРЫ – ОПОРА АКТИВИЗМА ПРОТИВ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ

AGORA
CENTRAL ASIA

СОДЕРЖАНИЕ

4 ВВЕДЕНИЕ

5 ЭКСПЕРТЫ(-КИ) ВЫПУСКА

6 ВЫВОДЫ ВЫПУСКА

7 ЛОКАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

14 РАЗРЫВ МЕЖДУ СПОСОБНОСТЯМИ НА МЕСТАХ И РЕСУРСАМИ ИЗ БЮДЖЕТА

15 COVID-19: ЭФФЕКТИВНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

20 COVID-19: ЛИДЕРСТВО КРИЗИСНЫХ ЦЕНТРОВ В МЕЖСЕКТОРАЛЬНОМ РЕАГИРОВАНИИ

23 РЕКОМЕНДАЦИИ ВЫПУСКА:

СОЗВОНЫ
СЕРИЯ

Первый выпуск серии создан в рамках региональной кампании 16 Дней Активизма Против Гендерного Насилия 2020[1] при поддержке Региональной программы Инициативы «Луч света» (Spotlight Initiative) для Центральной Азии и Афганистана, которая направлена на искоренение всех форм насилия в отношении женщин и девочек к 2030 году. Реализуемая в рамках глобального многолетнего партнерства между Европейским союзом и Организацией Объединенных Наций, Региональная программа «Луч света» ориентирована на устранение конкретных пробелов в законодательстве и политике, укрепление институтов, поощрение гендерного равенства, предоставление качественных услуг пострадавшим и расширение прав и возможностей женских движений, не оставляя никого в стороне.

Кампания Генерального секретаря ООН «Сообща покончим с насилием в отношении женщин к 2030 году» отмечает 16 дней активных действий против гендерного насилия под глобальной темой «Сделаем мир оранжевым: финансирование, реагирование, предотвращение, сбор!». В 2020 году Структура «ООН-женщины» передала микрофон пострадавшим от насилия, активистам и партнерам ООН на местах, чтобы они рассказали свои истории о том, как развивались события после вспышки COVID-19.

Мнения, заключения и рекомендации в данном обзоре принадлежат авторам(-кам) и не обязательно отражают позиции Инициативы «Луч света» (Spotlight Initiative), Европейского союза и ООН.

FemAgora 2020-2021

Иллюстрация на обложке: Жанель Шаханова

1 Сайт FemAgora // URL: www.femagora.org/16days2020-ru, 04.01.2021.

ВВЕДЕНИЕ

После вспышки COVID-19 насилие в отношении женщин и девочек (на англ. violence against women and girls или VAWG), и особенно насилие в семье, усилилось. В Казахстане, по данным МВД РК,[2] количество семейно-бытовых преступлений выросло на 21-41% по сравнению с 2019 годом. К административной ответственности привлечено свыше 8 тысяч нарушителей, из которых почти половина привлечена к административному аресту. Кризисные центры во время пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, работающие на передовой реагирования на гендерное насилие доказали свою стойкость, несмотря на общественные стигмы, институциональную политику и даже границы, а также свою способность:

- быстро реагировать и актуализировать межсекторальные усилия
- предоставлять комплексные и инклюзивные услуги
- находить эффективные решения проблем

Исследование[3] по ситуации насилия в Казахстане показало, что издержки, вызванные насилием со стороны партнера, составили 4 682 587 долларов США в виде личных расходов на здравоохранение. Похожее исследование[4], проведенное ранее в Кыргызстане, показало, что каждый случай домашнего насилия, заканчивающийся убийством женщины стоит 1,6 миллиона сомов (18 тысяч долларов США). Непринятие своевременных мер по защите от насилия в семье приводит к значительному увеличению нагрузки на государственный бюджет. Мы хотим подчеркнуть, что доступ к кризисным центрам – это право человека.

> “ ДОСТУП К КРИЗИСНЫМ ЦЕНТРАМ – ЭТО ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

Этот выпуск является началом серии публикаций «Созвоны» для обозначения ключевых моментов работы кризисных центров и проектов, освещения рекомендаций государству, международным партнерам и гражданскому сектору понимания, какая поддержка необходима для продолжения работы на местах и в сообществах. Для нас было важно, чтобы экспертиза и мнения активисток были минимально изменены редактурой, поэтому данный выпуск представлен в виде прямой речи.

2 Прямая трансляция МВД РК «О текущей ситуации по борьбе с бытовым насилием» // URL: www.youtube.com/watch?v=cc7rRIfuNPA, 04.01.2021.
3 Сайт UN Women // URL: www.eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan/ending-violence-against-women, 04.01.2021
4 Итоговый документ по результатам исследовательского проекта «Сколько стоит насилие в семье?» // URL: www.kg.undp.org/content/kyrgyzstan/ru/home/library/womens_empowerment/the-cost-of-domestic-violence.html, 04.01.2021

ЭКСПЕРТЫ(–КИ) ВЫПУСКА

Публикация составлена на основе выступлений 14 экспертов(-ок) из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, которые поделились своими подходами в реагировании на бытовое насилие и опытом кризисных центров, дали рекомендации по содействию работе кризисных центров и других услуг.

Бермет Барыктабасова экспертка по научно-обоснованной медицине и вопросам прав человека в современном здравоохранении, Бишкек, Кыргызстан.

Газиза Молдакулова национальная координаторка проектов по вопросам Народонаселения, Развития и Гендера Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Казахстане, Нур-Султан, Казахстан.

Дина Смаилова руководительница общественного фонда «Не молчи.kz», Алматы, Казахстан.

Елена Ткачева директорка кризисного центра «Шанс», Бишкек, Кыргызстан.

Зульфия Байсакова председательница правления объединения юридических лиц «Союз кризисных центров Казахстана», Алматы, Казахстан.

Маргарита Ускенбаева руководительница общественного фонда «Институт равных прав и равных возможностей в Казахстане», директорка приюта жертв бытового насилия «ARASHA», Алматы, Казахстан.

Назгуль Турдубекова директорка общественного фонда «Лига защитников прав ребенка», Бишкек, Кыргызстан.

Оксана Ибрагимова экспертка в сфере наркополитики и борьбы с ВИЧ, правозащитница, руководительница ОЮЛ «Казахстанский союз людей, живущих с ВИЧ», Алматы, Казахстан.

Раушан Худайшукурова координаторка приюта для пострадавших от торговли людьми при ОО ПЦЖИ «Сана Сезім», Шымкент, Казахстан.

Санжар Курманов транс-активист, эксперт по срочному реагированию на ситуации насилия, адвокации юридического признания гендера и построению сообщества, Бишкек, Кыргызстан.

Татьяна Мусагалиева экспертка по работе с женщинами, употребляющими наркотики, Бишкек, Кыргызстан.

Укей Мураталиева руководительница общественного объединения девушек с ограниченными возможностями здоровья «Назик кыз», Бишкек, Кыргызстан.

Хуршида Ибрагимова директорка центра правовой поддержки женщин и детей Ферганской области Республики Узбекистан «Мехржон», Фергана, Узбекистан.

Шахноза Хасанова директорка ОО ПЦЖИ «Сана Сезім», Шымкент, Казахстан.

ВЫВОДЫ ВЫПУСКА

Для этой серии мы собрали и проанализировали опыт эксперток(-ов) из трех стран - это более восьми часов обмена опытом, в течение которых многие выходили для срочных вызовов, присоединялись в дороге между пунктами назначения или в рабочий перерыв поздним вечером. Из 80 страниц задокументированного экспертного опыта мы сделали следующие выводы:

- Принимая на себя ответственность первого контакта с пострадавшими от насилия, кризисные центры также **документируют случаи, собирают ценную доказательную базу о системных нарушениях прав человека и исследуют гендерное насилие и дискриминацию.**

- **Кризисные центры вкладывают и мобилизуют доступные ресурсы для тех, кто обращается к ним за помощью, как пострадавшие, так и гражданские и международные организации за данными и экспертизой.** При этом кризисные центры продолжают сталкиваться с институциональным препятствием - отсутствием необходимого и соразмерного их вкладу финансирования.

- Кризисные центры постоянно **адаптируют свою работу под частные экстренные случаи и общее чрезвычайное положение, такое как карантинные меры в период пандемии COVID-19** в то время, как требуется гибкое регулирование совместной работы со стороны государства, особенно местного самоуправления, и других партнерских и донорских организаций.

- **Эксперты(-ки) разрабатывают и обновляют стандарты, учитывая лучшие международные практики и свой сложный опыт, в контексте своих географий и реалий**, когда отсутствие инклюзивных и анти-дискриминационных политик и законодательства затрудняют их каждодневную способность отвечать разнообразным нуждам и потребностям клиентов(-к) в местных сообществах.

- Сталкиваясь со множеством проблем, барьеров и вызовов, **кризисные центры продолжают содействовать разработке и реализации национальных планов и международных стратегий, расширяя возможности девочек, женщин и трансгендерных людей**, одновременно являясь теми, кто рядом с ними в самых сложных и уязвимых жизненных ситуациях в регионе и за его пределами.

ЛОКАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

Хуршида Ибрагимова рассказывает, что ее организации пришлось одновременно оказывать юридическую и психологическую помощь, а также выезжать в сельскую местность и предоставлять мобильную социальную помощь. Кризисный центр «Мехржон» уже 12 лет работает по всей Ферганской области, в которой проживает около 3,5 миллионов человек, при этом в центре нет ограничений по предоставлению услуг. Врач(-иня), психолог(-иня) и юрист(-ка) работают и в офисе, и в формате выездных консультаций. Местные партнеры центра, которые находятся в 100 км от офиса, обращаются в «Мехржон» с просьбой помочь сельским женщинам. Сотрудницы центра составляют план и его специалисты выезжают в сельскую местность и предоставляют весь комплекс услуг.

Местные партнеры «Мехржон» - отдел здравоохранения, управление махали (района - в Узбекистане) и семьи, отдел внутренних дел города Ферганы и более 10 местных НПО, которые работают в сфере защиты прав женщин и профилактики домашнего насилия. В рамках своей деятельности организация помогла более 5600 гражданам, предоставив разные виды услуг, из которых 2100 - правовая помощь.

В УЗБЕКИСТАНЕ РАБОТАЮТ:
2 РЕСПУБЛИКАНСКИХ ЦЕНТРА РЕАБИЛИТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН И **191** ШЕЛТЕР

В КЫРГЫЗСТАНЕ РАБОТАЮТ:
ОТ **13** ДО **16** КРИЗИСНЫХ ЦЕНТРОВ И **2** ШЕЛТЕРА

В ТАДЖИКИСТАНЕ РАБОТАЮТ:
18 КРИЗИСНЫХ ЦЕНТРОВ И ОКОЛО **4** ШЕЛТЕРОВ

В КАЗАХСТАНЕ РАБОТАЕТ:
41 КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР, ТОЛЬКО **29** ИЗ НИХ ИМЕЮТ ШЕЛТЕР

Источники: Vlast.kz, Союз кризисных центров, МВД Казахстана, Ассоциация кризисных центров, МВД Кыргызстана, ГУВД и Республиканский центр реабилитации и адаптации женщин, Human Rights Watch и Бюро по правам человека и соблюдению законности.

«Раньше в Узбекистане, когда мы вели профилактические работы, не могли сказать «домашнее насилие». Благодаря тому, что 2 сентября 2019 года был принят закон о Защите женщин от притеснения и насилия, произошли большие изменения и мы стали работать над проектами, которые направлены на защиту женщин от домашнего насилия», - говорит Хуршида Ибрагимова.

Маргарита Ускенбаева считает, что в Казахстане многие в социальной работе стремятся к подходу «кейс-менеджмент[5]» («case management»), но не используют его. Экспертка вместе с исследовательницами включила в руководство трехлетний опыт оказания специальных бытовых услуг женщинам, пострадавшим от насилия. Руководство снимает остроту в вос-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: АЙГЕРИМ АМАНЧИЕВА

требованности подхода «case management». В Казахстане такой стандарт действует с 2016 года. Есть семь приложений к нему, исходя из которых сотрудницы приюта «ARASHA» разработали и апробировали 8 протоколов, так как каждая услуга должна иметь свой протокол. Из-за формальных барьеров у организации нет права его распространять, но Маргарита Ускенбаева готова сама провести тренинги для сотрудниц(-ков) кризисных центров по ведению «case management».

5 Кейс-менеджмент – это целостный подход, используемый для координации женщин, попавших в кризисный центр, его сотрудников и процессов, направленных на достижение желаемого результата или поставленной цели. Этот подход нужен, чтобы сосредоточиться на более высоком уровне предоставления услуг и рассматривать сам случай насилия. Кейс-ориентированные процессы направлены на передачу знаний, коллективную работу и принятие сложных управленческих решений.

По словам специалистки по доказательной медицине Бермет Барыктабасовой, в Кыргызстане в 2014 году на основе Стамбульского протокола [6] были разработаны документы по медицинскому документированию пыток. У государства существует ответственность за граждан(-ок) - жертв насилия - и в обществе должна быть нулевая толерантность к насилию.

> **“ У ГОСУДАРСТВА СУЩЕСТВУЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГРАЖДАН(–ОК) – ЖЕРТВ НАСИЛИЯ – И В ОБЩЕСТВЕ ДОЛЖНА БЫТЬ НУЛЕВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НАСИЛИЮ.**

В ТАДЖИКИСТАНЕ **50%** ЖЕНЩИН СТАЛКИВАЮТСЯ С НАСИЛИЕМ

НАСИЛИЕ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ФОРМЕ ПРИСУТСТВУЕТ В **КАЖДОЙ ТРЕТЬЕЙ** СЕМЬЕ В КАЗАХСТАНЕ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ТАШКЕНТЕ СТРАДАЮТ **ЧЕТЫРЕ** ЖЕНЩИНЫ

НА **65%** УВЕЛИЧИЛОСЬ КОЛИЧЕСТВО ЖАЛОБ НА СЛУЧАИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ПО СРАВНЕНИЮ С 2019 ГОДОМ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Источники: Союз кризисных центров, МВД Казахстана, Human Rights Watch, Бюро по правам человека и соблюдению законности, ГУВД, Республиканский центр реабилитации и адаптации женщин, Ассоциация кризисных центров, МВД Кыргызстана.

«Нужны алгоритмы, межведомственное взаимодействие, мультидисциплинарная реакция на каждый случай насилия. Мы обозначили рамки полномочий - что должен делать врач в связке с судмедэкспертом(-кой), социальными службами, правоохранительными органами. Раньше никто не знал, как разграничить случаи насилия от случаев добровольных половых контактов. Однако мы сталкиваемся с тем, что представители государственных органов, которые призваны защищать жертву от насилия, остаются в том времени, когда легче было сказать «сама виновата»», - говорит экспертка.

Сотрудники(-цы) кризисных центров не понимают почему психиатры(-ки), следователи(-ницы) и судмедэксперты(-ки) не чувствительны. Интервью с ребенком превращается в жесточайшие допросы, происходит вторичная травматизация. Бермет Барыктабасова отмечает в Кыргызстане большое количество государственных и негосударственных структур, призванных снижать насилие. Но то ли заново нужно все начинать на практике, то ли взяться за реализацию стандартов или пересмотреть национальные планы по реализации Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин(КЛДЖ).[7] На сегодня все остается на бумаге, результатов нет. При том, что все правительственные и

6 Стамбульский протокол // URL: www.ohchr.org/Documents/Publications/training8Rev1ru.pdf, 04.01.2021
7 Конвенция по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml, 04.01.2021

правоохранительные структуры говорят, что они берут за это ответственность. Женщины научились подавать в суд, сопротивляться, но в социальных сетях появилась прослойка ботов и троллей, которые не сочувствуют жертве и перекладывают на нее ответственность за насилие.

«Несколько лет назад я не понимала, какая есть связь между гендерным насилием и пытками. Пытки - это когда на государственной территории государственными служащими с некоторой целью (добыть документы, добиться какой-то информации или признания в чем-то) совершалось насилие руками государства. Пытки - тяжкое преступление. Это отношение между человеком и государством. Нарушаются права человека на свободу от пыток. А гендерное насилие происходит между человеком и человеком - это насилие между частными лицами. И тут встает вопрос: каким образом можно винить государство в гендерном насилии? Бездействие и молчание со стороны государства, снятие с себя ответственности за защиту жертвы и предотвращение насилия являются пыткой, потому что государство имеет обязательства реализовать конституционные права граждан(-ок) на неприкосновенность и защиту своей жизни. У государства достаточно сил и полномочий, ресурсов, чтобы защитить своих граждан от насилия и от суицидального поведения», - говорит Бермет Барыктабасова.

> **“ БЕЗДЕЙСТВИЕ И МОЛЧАНИЕ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА, СНЯТИЕ С СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАЩИТУ ЖЕРТВЫ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НАСИЛИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ПЫТКОЙ, ПОТОМУ ЧТО ГОСУДАРСТВО ИМЕЕТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РЕАЛИЗОВАТЬ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН(–ОК) НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ЗАЩИТУ СВОЕЙ ЖИЗНИ.**

«Из семьи нужно выселять лицо, которое совершило насилие. То есть в качестве наказания нужно выселять насильника, отстранять от семьи, пока суд не вынесет свое решение. Поэтому статус женщины-беженки, которая убегает, должен быть пересмотрен - невозможно создавать столько кризисных центров. Это дорого. И это заведомо виктимная позиция, когда семья должна бежать от насильника. Должен накладываться охранный ордер, чтобы агрессор не подходил к дому», - говорит Назгуль Турдубекова.

Елена Ткачева говорит, что слово «жертва» упоминается не случайно. Чаще говорят «пострадавшие», «потерпевшие», но на самом деле феминистский подход позволяет обозначить позицию, потому что жертва не может быть жертвой вечно. Управляя своей жизнью, человек переходит в совершенно другое качество, если ему оказывается помощь. Поэтому, когда человек приходит в кризисный центр «Шанс», он (-а) для себя обозначает и признает: что-то в его/ее жизни произошло, в отношении него/нее было совершено насилие и он/она двигается дальше. А центр оказывает такую помощь, чтобы человек как можно быстрее вышел(-ла) из этого состояния. Стандарты центра посвящены в первую очередь правам жертв и опираются на то, чтобы они могли себя ощущать более защищенными и свободными, несмотря на то, что живут в патриархальном мире. И эти индикаторы позволяют учитывать правозащитный, антидискриминационный и феминистский подходы.

«В странах Центральной Азии отсутствует антидискриминационное законодательство и поэтому много инициатив, которые проводит государство и международные организации, проваливаются. **Государство может дискриминировать и сотрудников(-ц) кризисных цен-**

тров, и наших клиенток(-ов), и им за это ничего не будет. Только в отчетах могут получить рекомендации, но будут они что-то решать или нет - это уже на их усмотрение», - говорит экспертка.

Психологические услуги, по мнению Елены Ткачевой, критически важны для жертв насилия. В процессе оценки работы выяснилось, что некоторые клиенты(-ки) позже становятся добровольцами, адвокатами(-ками) и даже сотрудниками(-цами) кризисных центров. Например, клиентки отмечали рост самооценки, хотя специалисты центра не занимаются ее укреплением.

Все 24 года, пока существует «Шанс», он создает возможности и пространство для того, чтобы клиенты(-ки) могли быть теми людьми, кто поддерживает центр в различных услугах и кампаниях. «Ежегодно в кризисный центр “Шанс” обращается до двух тысяч новых человек - это мощная сила в борьбе против насилия в отношении женщин, и наше общее сопротивление патриархату намного сильнее», - говорит Елена Ткачева.

> **“ ЕЖЕГОДНО В КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР “ШАНС” ОБРАЩАЕТСЯ ДО ДВУХ ТЫСЯЧ НОВЫХ ЧЕЛОВЕК – ЭТО МОЩНАЯ СИЛА В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН, И НАШЕ ОБЩЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПАТРИАРХАТУ НАМНОГО СИЛЬНЕЕ**

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ВЕРОНИКА ФОНОВА

Газиза Молдакулова, национальная координаторка проектов по вопросам Народонаселения, Развития и Гендера Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Казахстане рассказывает, что во время пандемии люди с инвалидностью оказываются наиболее уязвимыми в вопросах полноценного доступа к информации, средствам, услугам, включая защиту от насилия. Они более подвержены риску насилия в отношении них, особенно женщины и девочки с инвалидностью. И кризисные центры не приспособлены к их особым нуждам. **По итогам оперативных оценок, проведенных агентствами ООН в Казахстане, из-за самоизоляции случаи домашнего насилия участились более чем на 50%.** И как показали результаты исследования, проведенного при технической поддержке ЮНФПА, 38% опрошенных людей с инвалидностью сообщили, что их отношения с членами семьи ухудшились во время изоляции, 3 из 4 опрошенных не знали или не имели возможности обратиться за помощью в психологическую службу, медицинские или иные учреждения. Примерно каждый(-ая) четвертый(-ая) респондент(-ка) не хотел(-а) обращаться за помощью в случае домашнего насилия, потому что считал или считала это постыдным и боялся(-ась) осуждения общества. Кроме того, их зависимость от других членов семьи порождала страх, что насилие может усугубиться, если они обратятся за помощью.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ВИДОВ НАСИЛИЯ СРЕДИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ – **90%**, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ – **61%**, СЕКСУАЛЬНОЕ – **15%**, ФИЗИЧЕСКОЕ – **64%**

38% РЕСПОНДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ОТМЕТИЛИ УХУДШЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ИХ СЕМЬЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

48,7% РЕСПОНДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ОТМЕТИЛИ, ЧТО НИКТО НЕ ПОМОГАЕТ ИМ СПРАВЛЯТЬСЯ С ТРУДНОСТЯМИ И ДОМАШНИМ НАСИЛИЕМ

55% РЕСПОНДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ОТМЕТИЛИ, ЧТО ОСТРО НУЖДАЮТСЯ В ПОМОЩИ ТЕХ, КТО ПОМОЖЕТ ВЫЙТИ ИЗ СИТУАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

72% РЕСПОНДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ОТМЕТИЛИ, ЧТО В СЛУЧАЕ НАСИЛИЯ НЕ ИМЕЮТ ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАТИТЬСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К УЧАСТКОВОМУ ИНСПЕКТОРУ, МЕДИЦИНСКОМУ ИЛИ СОЦИАЛЬНОМУ РАБОТНИКУ

Источники: Фонд ООН в области народонаселения в Казахстане, Ассоциация женщин с инвалидностью «Шырак»

72% людей с инвалидностью (респондентов(-ок)) не имеют возможности обратиться за помощью к участковому инспектору(-ке), медицинскому или социальному работнику(-це) в ситуации насилия и изоляции. Одной из наиболее уязвимых групп людей с инвалидностью в плане доступа к информации и услугам являются люди с инвалидностью по слуху, то есть слабослышащие и неслышащие люди. Они могут общаться с сотрудниками(-цами) учреждений, организаций только через сурдопереводчиков(-ц), что ограничивает их доступ к услугам защиты и реагирования на насилие. Люди с инвалидностью первой группы и частично второй группы физически и экономически зависимы от членов семьи, которые за

ними ухаживают, и зачастую не имеют личного мобильного телефона для сообщения, обращения за помощью и экстренного вызова. То есть люди оказываются в ситуации, когда у них нет возможности сообщить, что они находятся в ситуации насилия.

> **72% ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ (РЕСПОНДЕНТОВ(–ОК)) НЕ ИМЕЮТ ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАТИТЬСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К УЧАСТКОВОМУ ИНСПЕКТОРУ(–КЕ), МЕДИЦИНСКОМУ ИЛИ СОЦИАЛЬНОМУ РАБОТНИКУ(–ЦЕ) В СИТУАЦИИ НАСИЛИЯ И ИЗОЛЯЦИИ.**

Маргарита Ускенбаева считает, что НПО могут все: принимать все группы людей, в том числе и людей с психическими заболеваниями. О таких заболеваниях, например, могут заявить только родственники. Маргарита вспоминает случай, когда в приют привезли женщину с психическим расстройством и сказали: «если она будет буйствовать, мы вызовем службу». Но в приюте не стали вызывать службу из гуманистических соображений и солидарности с феминистками. Доработали с женщиной до конца и она осталась благодарна. «Я хочу, чтобы все видели разницу между деятельностью НПО и государственных служб. Нужно усиливать поддержку приютов, кризисных центров и НПО», - говорит экспертка.

РАЗРЫВ МЕЖДУ СПОСОБНОСТЯМИ НА МЕСТАХ И РЕСУРСАМИ ИЗ БЮДЖЕТА

«Хорошо сказано: “НПО может все!”. Мы такие гибкие, но, к сожалению, у нас нет денег. У нас их недостаточно, чтобы действительно предоставлять ту помощь, которую нужно предоставить. В Кыргызстане нет государственных кризисных центров. У нас Министерство труда и социального развития раз в год объявляет конкурс - госсоцзаказ, куда НПО могут подаваться», - говорит Татьяна Мусагалиева.

Назгуль Турдубекова считает, что ежедневная и последовательная работа, которую осуществляют кризисные центры, связана с бюджетом, который должен быть социально ориентирован.

«И пока не будет финансирования таких услуг и выделен бюджет, говорить о том, что насилие искоренится - миф. А позиция, когда женщине, часто с детьми на руках, нужно куда-то бежать, а агрессор остается, концептуально должна меняться», - говорит правозащитница.

Маргарита Ускенбаева рассказывает, что, несмотря на то, что в Казахстане действует единая тарифная политика, нет равного распределения бюджетных средств. По ее словам, государственный кризисный центр в 2017 году с 50 койко-местами получил финансирование 112 миллионов тенге, а приют Arasha с 20 койко-местами сумму в 7 раз меньше - 16 миллионов тенге. В 2020 году приюту урезали финансирование через уменьшение количества койко-мест до 17.

$1,5 ТРЛН. ГЛОБАЛЬНАЯ ЦЕНА НАСИЛИЯ ПРОТИВ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК ДО ПАНДЕМИИ COVID-19

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В КАЗАХСТАНЕ ОБХОДИТСЯ В **$5 650 501** В ВИДЕ ПОТЕРИ ЗАРАБОТКА

В КАЗАХСТАНЕ НАСИЛИЕ СО СТОРОНЫ ПАРТНЕРА ОБХОДИТСЯ В **$4 682 587** В ВИДЕ ЛИЧНЫХ РАСХОДОВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Источники: ООН-Женщины, анализ эффективности бюджетного планирования мер по предотвращению домашнего насилия

«В Казахстане 4 уровня бюджетирования: республиканский, областной, городской и сельский. Когда кризисные центры передают на местные бюджеты, финансирование сокращается. Кризисные центры закрылись в ряде регионов, потому что местные бюджеты не в состоянии поддерживать еще и их работу», - говорит экспертка.

COVID-19: ЭФФЕКТИВНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Укей Мураталиева рассказывает о попытке продажи девушки с инвалидностью в другую страну, которую удалось предотвратить. Нарушителем оказался мужчина из Кыргызстана - он знакомился с женщинами с инвалидностью и обещал строить с ними отношения. Пограничник(-ца) обратил(-а) внимание на странную пару и стал(-а) расспрашивать, но когда насильника привезли в Бишкек, девушку с инвалидностью сутки продержали на допросах.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: VERONIKA SHOOTTHECAT

У кризисного центра «Шанс» есть психологи(-ини) и юристы(-ки), но нет шелтера. Поэтому девушку направили в «Шанс» за психологической помощью, а шелтер в Бишкеке открыли «Назик кыз» - движение женщин с инвалидностью.

«Из-за того, что все публичные места и шелтеры были закрыты, мы смогли эвакуировать эту девочку к нам, потому что она оказалась на улице. Эта девочка [приехала] из региона, в Бишкеке некуда идти. Ей была оказана психологическая поддержка, а дальше мы передали ее сотрудницам кризисного центра “Шанс”, который находится также в Кыргызстане. Женщин с инвалидностью никто не посещал в карантин, они звонили и спрашивали куда им идти и что есть, не знали, что им делать. Ситуация показала, насколько нам нужно быть сильными и уметь полагаться на себя», - говорит экспертка.

Сотрудницы штаба во время пандемии помогали женщинам в регионах продуктами, средствами личной гигиены, поддерживали женщин с инвалидностью и без посредством горячей линии и консультаций.

«Ситуация с коронавирусом поставила женщин с инвалидностью в такое положение,

что они остались дома одни. Ни за хлебом выйти, ни мусор вынести, ни ассистент(-ка) не придет. Когда мы встретились с министром социального развития, попросили обратить внимание на социальные проекты, направленные на женщин. Вопросы реабилитации важны, но они не решают правовых вопросов», - говорит Укей Мураталиева.

> **“ СИТУАЦИЯ С КОРОНАВИРУСОМ ПОСТАВИЛА ЖЕНЩИН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ТАКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ЧТО ОНИ ОСТАЛИСЬ ДОМА ОДНИ. НИ ЗА ХЛЕБОМ ВЫЙТИ, НИ МУСОР ВЫНЕСТИ, НИ АССИСТЕНТ(–КА) НЕ ПРИДЕТ.**

Елена Ткачева делится, что **в карантин пришлось работать в подпольных условиях.** Владельцев помещения, которое арендует кризисный центр «Шанс», предупредили о горячей линии.

«Убежищ не было и нет до сих пор. Те, что существовали две недели в рамках проекта Spotlight, сейчас закрылись. Отсутствует горячая линия. В Бишкеке - до 14 звонков в день на каждого оператора(-ку) горячей линии кризисного центра. И это не инициатива государства. Служба 115 есть, куда тоже могут звонить», - говорит экспертка.

Татьяна Мусагалиева отмечает мобильность женских общинных организаций, которые спасли жизни многих женщин. Если говорить о женщинах, употребляющих наркотики, то по всему Кыргызстану существует три небольших шелтера, предоставляющих им помощь в ситуации насилия - это небольшой центр ОФ «Астерия» в Бишкеке, ОФ «Подруга» в городе Ош и центр в городе Каракол «Химая». Они размещают от 4 до 8 женщин. **«Пандемия оголила все: насколько мы не защищены, насколько не нужны государству.** По причине изоляции женщины остались без ежедневного заработка. А ведь женщины, употребляющие наркотики, в большинстве случаев не имеют постоянной работы, а задействованы там, где предусмотрена ежедневная оплата труда. Из-за ограничений и перепрофилировании медицинских учреждений под COVID-19 стационары не было доступа к медицинской помощи», - говорит Татьяна Мусагалиева.

> **“ ИЗ–ЗА ОГРАНИЧЕНИЙ И ПЕРЕПРОФИЛИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОД COVID–19 СТАЦИОНАРЫ НЕ БЫЛО ДОСТУПА К МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ**

По словам специалистки, за период пандемии уровень насилия в этих группах настолько возрос, что невозможно было держать всех женщин в одном центре. Приходилось садиться в свои машины, вывозить женщин из домов; привозить в шелтеры; связываться с коллежанками из кризисных центров. Женщины остались в этой ситуации не только один на один с насильниками, но и без продуктов питания и наркологической, медицинской помощи. Около пяти лет назад национальная сетевая кампания «СООБЩА» мобилизовала и объединила активисток и женские сообщества в ответ на гендерное неравенство и предоставила возможность обратить внимание на масштабы насилия и отсутствие доступа к услугам кризисных центров.

«Для обеспечения доступа к недискриминационным услугам, Министерство труда и социального развития в рамках проекта ОФ «Астерия» от Фонда Сорос в партнерстве с

Ассоциацией кризисных центров (АКЦ) разработали минимальные стандарты социальных услуг, предоставляемых кризисными центрами с антидискриминационным блоком. Правительство не утвердило стандарты, поэтому АКЦ их запатентовали и используют в работе. Ассоциация кризисных центров представила стандарты в Центр по стандартизации и метрологии при Министерстве экономики (Кыргызстандарт), который утвердил их с датой вступления в силу с 1 апреля 2019 года. Данные стандарты выполняются в кризисных центрах на базе НПО», - рассказывает Татьяна.

Этот документ включал антидискриминационный блок, чтобы кризисные центры принимали и трансгендерных женщин, и женщин, употребляющих наркотики, и женщин, живущих с ВИЧ. Сотрудники(-цы) кризисных центров, как считает экспертка, не знают подходов и специфики этих групп. Борьба с насилием в отношении женщин из ключевых групп должна быть неотъемлемой и полноценной частью стратегий и программ по профилактике ВИЧ и Снижению Вреда. **Мероприятия по борьбе с насилием не должны иметь сквозной характер**[8]**, а финансирование мероприятий, направленных на снижение уровня насилия и организацию помощи и поддержки в случаях насилия, должны быть соразмерны рискам, связанным с ними.** Риск инфицирования ВИЧ в результате сексуального насилия высок, но также высока доля вероятности инфицирования ВИЧ в результате других форм насилия, которые влияют на обращаемость женщин в программы по профилактике ВИЧ и Снижения Вреда.

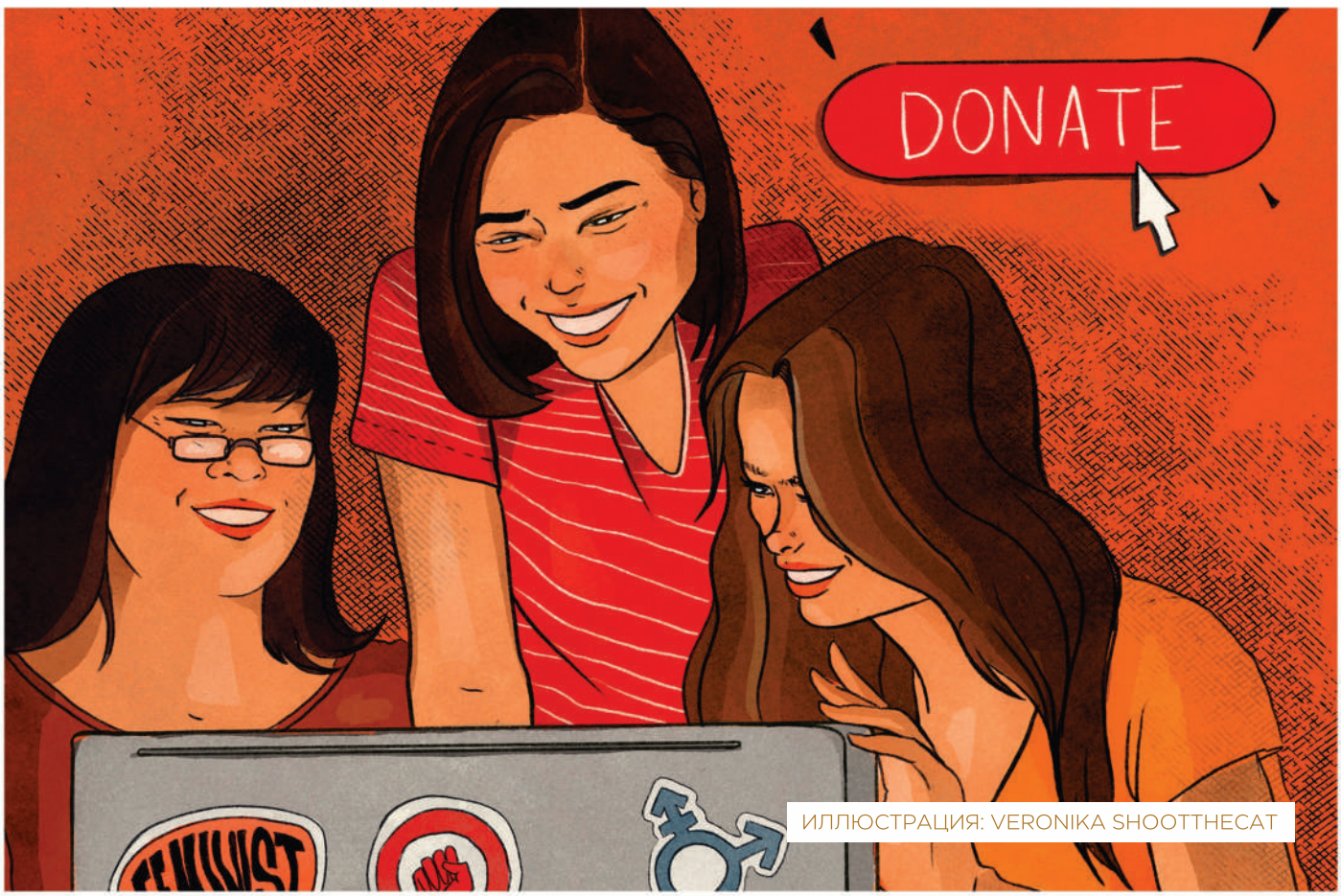

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: VERONIKA SHOOTTHECAT

8 В работе с грантами словосочетание «сквозной характер» отдельное понятие и означает не основную тему заявки гранта, а проекты, которые ставят одной из целей поддержку, например, гендерного равенства

«Важно не ждать того, что они придут сами, открыть двери и сказать: «Пожалуйста, приходите!». Ведь женщина до последнего не понимает, что происходит насилие, а в каких-то случаях понимает, но не знает, куда обратиться и не уверена, что ей смогут помочь. Мы должны прийти к ним», - говорит Мусагалиева.

Основной проблемой, с которой сталкиваются транс-люди, особенно транс-женщины и транс-феминные персоны в доступе к убежищам. Санжар Курманов называет трансфобное отношение со стороны проживающих или работающих сотрудниц и сотрудников в не транс-шелтерах. «Во время ЧП [чрезвычайного положения] секс-работа невозможна, никакая работа невозможна. Люди остались без заработка, без возможности оплачивать те же квартиры. Межрайонные блоки можно было проходить только с документами. Но для трансгендерных людей это сложно. Нужно показывать паспорт, чтобы переходить границы или купить гормоны в аптеках. Никакая медицинская поддержка не оказывается. Все приходится самим покупать», - говорит он.

Секс-работницы, транс-женщины, оставшиеся без жилья в Кыргызстане, обратились за помощью, чтобы оплатить квартиру. Так был открыт самоорганизованный шелтер. Согласно рассказу Санжара, все началось с одной девушки: она оплатила один месяц проживания, но больше средств не было. Трансгендерные люди, нуждающиеся в жилье, переехали к ней в однокомнатную квартиру. Оставалась неделя для того, чтобы собрать еще деньги. Снять жилье побольше и сроком на два месяца помогла краудфандинговая площадка.

«Трансгендерные люди могут быть как секс-работниками(-цами), так и людьми с разными формами инвалидности, живущими с ВИЧ, употребляющими наркотики, мигрантами и мигрантками. Опыт показывает, что в шелтерах не хватает информации о трансгендерных людях. Они сталкиваются с трансфобным отношением, и кризисные центры становятся небезопасными», - говорит Санжар Курманов.

> **“ ТРАНСГЕНДЕРНЫЕ ЛЮДИ МОГУТ БЫТЬ КАК СЕКС-РАБОТНИКАМИ(-ЦАМИ), ТАК И ЛЮДЬМИ С РАЗНЫМИ ФОРМАМИ ИНВАЛИДНОСТИ, ЖИВУЩИМИ С ВИЧ, УПОТРЕБЛЯЮЩИМИ НАРКОТИКИ, МИГРАНТАМИ И МИГРАНТКАМИ. ОПЫТ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО В ШЕЛТЕРАХ НЕ ХВАТАЕТ ИНФОРМАЦИИ О ТРАНСГЕНДЕРНЫХ ЛЮДЯХ. ОНИ СТАЛКИВАЮТСЯ С ТРАНСФОБНЫМ ОТНОШЕНИЕМ, И КРИЗИСНЫЕ ЦЕНТРЫ СТАНОВЯТСЯ НЕБЕЗОПАСНЫМИ**

Оксана Ибрагимова считает, что **у женщины, употребляющей наркотики, есть страх, что ее не примут в кризисном центре. А когда начнется комплексное разъяснение, могут прийти социальные работники(-цы) и забрать у нее ребенка, лишить родительских прав.** Одна из рекомендаций – внести в услуги информацию по ВИЧ-инфекции, по инфекциям, передающимся половым путем с ноября 2018 года по настоящее время.

Также в Казахстане в отношении женщин, живущих с ВИЧ, имеются нормы дискриминационного характера в отношении оказания специальных социальных услуг в условиях стационара, полустационара, кризисных центров для жертв бытового насилия. Женщины, живущие с ВИЧ, не могут обратиться за услугами из-за действующих Правил деятельности организаций, оказывающих специальные социальные услуги, и ограничи-

вают доступ по поддержке женщин в случае насилия. Также **некоторые законодательные акты, регулирующие правила оказания социальной поддержки людей с инвалидностью, нарушают права людей, живущих с ВИЧ.**

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: МАГИРА ТЛЕУБЕРДИНА

Фонд «Не молчи.kz» работает по всему Казахстану, несмотря на то, что находится в Алматы. Вся работа ведется онлайн. Одним из достижений фонда, по словам Дины Смаиловой, является сотрудничество с департаментами полиции.

«Когда у нас происходят какие-то кризисные ситуации в регионах, есть специальные номера телефонов, по которым мы звоним и просим срочно реагировать. Но мы сталкиваемся в регионе с тем, что **у женщины нет возможности вовремя пройти экспертизу. Потому что экспертиза находится в районном центре, а она в ауле, который в 200 км от районного центра. И ей надо туда добраться. В условиях короновирусной инфекции это было практически невозможно.** Мы несколько раз поднимали вопрос о том, чтобы побои легкой степени идентифицировали сами полицейские, делали фотографии и записывали количество побоев. К сожалению, это не сработало, потому что нужны эксперты(-ки) в областях. В регионах женщины практически беззащитны перед мужской агрессией и агрессией людей, с которыми проживают», - говорит экспертка.

Когда женщина, проживающая, к примеру, в деревне пишет заявление в полицию, это становится серьезным шагом с ее стороны. Она должна полностью игнорировать давление со стороны родственников и не поддаваться запугиванию.

«Если это маленький аул, ей очень стыдно идти в кризисный центр. Обычно туда идут только от безысходности, когда она [одной] ногой на том свете. Несколько раз были такие случаи, когда полицейские забирали жертву к себе домой», - говорит Дина.

COVID–19: ЛИДЕРСТВО КРИЗИСНЫХ ЦЕНТРОВ В МЕЖСЕКТОРАЛЬНОМ РЕАГИРОВАНИИ

Кризисные центры способны к межсекторальному быстрому реагированию, предоставлению комплексных услуг и поиску эффективных решений проблем, несмотря на общественные стигмы, институциональную политику и даже границы – они доказали это и во время пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19.

Раушан Худайшукурова, координаторка приюта для пострадавших от торговли людьми ОО ПЦЖИ «Сана Сезім», рассказывает, что в период пандемии увеличилось число случаев бытового насилия и усугубилась ситуация трудящихся-мигрантов(-ок). Проблемы, с которыми столкнулся приют, - это ограничение передвижения по городу Шымкенту и по Туркестанской области, закрытие границ и сложности в воссоединении мигрантов(-ок) со своими семьями.

«Те мигранты(-ки), которые застряли в нашей стране, среди них много женщин и детей, к сожалению, не могли рассчитывать на пособия, которые предоставлялись гражданам РК. Были организованы акции по предоставлению гуманитарной помощи, куда вошли продукты питания, вода, средства гигиены, средства индивидуальной защиты. В тот период это было сложно достать и все было в ограниченном количестве», - говорит экспертка.

Раушан Худайшукурова благодарит представителей(-ниц) консульств и посольств за оперативную работу. Она считает, что именно тесное сотрудничество дало возможность быстро решать вопросы.

«Мы звонили напрямую, оставляли официальные просьбы, говоря, что нам не нужно финансирование, просто дайте нам разрешение на передвижение. Сработало то, что у нас есть рычаги и возможности, которые мы можем использовать в своей работе и привлекать партнеров. Сказалась важность и положительная сторона сотрудничества неправительственной организации с государственными и международными организациями. Потому что вся работа, которую мы проводили, в период COVID-19, она была возможна при поддержке международных организаций», - говорит Худайшукурова.

После вспышки COVID-19 насилие в отношении женщин и девочек, и особенно насилие в семье, усилилось. В Казахстане, по данным МВД РК [9], количество семейно-бытовых преступлений выросло на 41% . К административной ответственности привлечено свыше 8 тысяч нарушителей, из которых почти половина привлечена к административному аресту.

Председательница правления объединения юридических лиц «Союз кризисных центров Казахстана» Зульфия Байсакова говорит, что с началом пандемии неправительственные организации в Казахстане остались один на один со всеми проблемами. Пришлось подключать личные связи, чтобы войти в список тех организаций, которые могут перемещаться по городу, чтобы забирать жертв бытового насилия.

9 Сайт интернет-журнала Власть // URL: www.vlast.kz/novosti/41127-v-mvd-otmecaut-rost-bytovogo-nasilia-v-kazahstane-za-vrema-pandemii-na-21.html, 04.01.2021

«Но решение вопросов через личные контакты - это неправильно. У нас нет системного подхода в защите прав жертв бытового насилия. Люди, которые занимаются законотворческой деятельностью, не посещают наши кризисные центры, они не знают о практических проблемах, с которыми мы сталкиваемся, не знают философию и основу бытового насилия, не знакомы с проблемами механизма защиты прав жертв бытового насилия и методами ведения случая (кейс -менеджмент)», - рассказывает Байсакова.

> **“ У НАС НЕТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕРТВ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТСЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, НЕ ПОСЕЩАЮТ НАШИ КРИЗИСНЫЕ ЦЕНТРЫ, ОНИ НЕ ЗНАЮТ О ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ, С КОТОРЫМИ МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ, НЕ ЗНАЮТ ФИЛОСОФИЮ И ОСНОВУ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ**

По словам экспертки, жертва бытового насилия не может сдать тест на ПЦР за свой счет из-за отсутствия денежных средств.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: НУРГУЛЬ ДАУЫТОВА

«Министерство здравоохранения, как субъект выполнения закона о профилактике бытового насилия, выделяя огромные денежные средства на борьбу с COVID-19, не обращает на это внимания. Если человек получил статус жертвы, а женщины получают его по листу оценки, у него все равно нет возможности пройти тест бесплатно», - делится экспертка.

Следующей большой проблемой во время карантина Зульфия Байсакова называет то, что **кризисным центрам не было предоставлено отдельных помещений, где бы размещались жертвы насилия.** Девушки были вынуждены селиться вместе с теми, кто жил в центре до этого. В связи с этим повысился риск заражения коронавирусной инфекцией.

«Мы официально обратились в управление социального благосостояния города, попросив дополнительное помещение, но только город Алматы его предоставил. Почему государственные структуры этого не сделали? Только после того, как мы написали открытое письмо президенту, выделили еще гостиницу в городе Талдыкорган», - рассказывает Зульфия.

Полицейские не сделали приоритетом доставку жертв бытового насилия через блокпосты, хотя, например, ехать в город Талдыкорган из Илийского, Енбекшиказахского районов достаточно далеко. Женщины сами находили возможность перемещаться и попадали в кризисный центр. Зульфия Байсакова задается вопросом, почему нужно было делать это какими-то нелегальными путями, когда полиция имеет большие полномочия, чтобы сделать перемещение жертв насилия быстрым и безопасным.

«Казахстанские суды рассматривали в первую очередь дела по нарушениям карантинных мер, а насильники рассматривались уже позже, когда был снят режим ЧС [чрезвычайной ситуации]и прошло практически 20-30 дней после карантина, что безусловно повысило и без того высокое количество фактов насилия. То что мы сейчас видим - это недоработки и отсутствие понимания самой проблемы бытового насилия в обществе. Государство не желает защищать своих граждан(-ок), хотя им была подписана Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации против женщин», - рассказывает экспертка.

По ее словам, сказываются и неравные условия между государственными и неправительственными организациями. Зульфия Байсакова считает, что неправительственным организациям нужно передавать в доверительное пользование оборудованные помещения. Тогда мы сможем говорить о качестве предоставляемых услуг.

Фонду «Лига защитников прав ребенка» удавалось передвигаться на транспорте даже во время ЧП, благодаря тому, что были установлены хорошие партнерские связи с государственными органами. Практически все жертвы, которые нуждались в передвижении, перемещались бесплатно транспортных средствах муниципалитетов или акиматов ближайших районов.

«Мы увидели как действительно важно развивать межведомственное сотрудничество. Еще во время пандемии мы заметили, что уровень востребованности кризисных центров был очень высоким. Муниципалитеты практически не вовлекаются. Нужно пересмотреть всю работу и нам надо усилять регионы, чтобы каждое село и каждый город, каждый квартал и улица были сами способны справляться - предупреждать и идентифицировать виды насилия, и знать как себя вести в случае, когда насилие происходит», - говорит экспертка.

РЕКОМЕНДАЦИИ ВЫПУСКА

Пандемия COVID-19 сделала явной уязвимость положения самих кризисных центров и указала на существование системных пробелов в их поддержке. В связи с этим, государствам и межправительственным организациям при работе с кризисными центрами рекомендуется следующее:

- обеспечить и поощрять мобильность сотрудниц кризисных центров, особенно во время чрезвычайного положения, для своевременного доступа к клиентам(-кам);
- внедрить закон о борьбе с домашним/бытовым насилием согласно рекомендациям КЛДЖ;
- утвердить подходы и процедуры, разработанные на местах, и расширить возможности для их широкого применения;
- внедрить Стамбульский протокол во все меры по противодействию насилию и пыткам;
- обеспечить безопасный доступ к собственному жилищу для жертв насилия;
- внедрить антидискриминационное законодательство для защиты прав людей при взаимодействии с организациями и государством;
- обеспечить доступ к государственным и кризисным услугам для людей с инвалидностью, трансгендерным людям, секс-работницам(-кам), ВИЧ-позитивным людям, мигрантам(-кам), людям, употребляющим наркотики, учитывая их физическое состояние и возможные насильственные меры со стороны окружающих;
- изменить тарифную политику государственного бюджетирования кризисных центров для обеспечения равного доступа к ресурсам у государственных учреждений и НПО;
- обеспечить кризисные центры гибким непрерывным финансированием.